

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

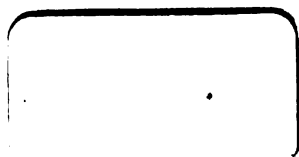
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХVІІІ.

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О смерти царевича Дмитрія. (Окончаніе). . . Е. А. ВЪЛОВА.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго
судопроизводства въ исторіи русскаго
права. (Продолженіе). . . . . К. Г. СТЕФАНОВСКАГО.

Осада Очакова въ 1788 году. . . . . А. Г. БРИЕНЕРА.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache von
August Schleicher. (Фонологія и морфологія по-
лабскаго языка *Августа Шлейхера*). S.-Peters-
bourg, 1871. 8°; стр. XIX и 353 . . . . . И. А. БОДУЕНЪ-ДЕ-КУРТЕНЪ.

Онежскія былинны, записанныя Александромъ Федо-
ровичемъ *Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Съ
двумя портретами Онежскихъ раисодовъ и на-
пѣвами былинъ. С.-Пб. 1873. . . . . Л. Н. МАЙКОВА.

О значеніи классическаго образованія. . . . Н. МАПУЙЛОВИЧА.

Французскія гимназіи. (Статья д-ра Э. Штрё-
лина. Переводъ съ нѣмецкаго).

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

(См. на 3-й стр. обѣрки).

... (фрагменты текста, частично неразборчивы из-за сканирования)

ТРИ КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Lauf und Formenlehre der Polabischen Sprache von August Schleicher. (Фонологія и морфологія полабскаго языка *Августа Шлейхера*). St.-Petersburg, 1871. 8°; стр. XIX и 353.

Это послѣднее сочиненіе Шлейхера, напечатанное послѣ его смерти издвигеніемъ С.-Петербургской академіи наукъ и подъ редакціей Лейпцигскаго профессора А. Лескина (Leskien), представляетъ плодъ усидчивыхъ занятій покойнаго лингвиста въ теченіе довольно долгаго времени.

Въ предисловіи (стр. V — VIII) Шлейхеромъ самимъ изложены причины, побудившія его взяться за составленіе этой книги: Главною цѣлью своей ученой дѣятельности въ послѣдніе годы своей жизни Шлейхеръ поставилъ себѣ написаніе точной и обстоятельной сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, въ которой онъ хотѣлъ, прежде всего, попытаться возстановить славянскій основной языкъ (slawische Grundsprache), то-есть, ту стадію развитія славянской семьи языковъ, когда не существовало еще никакихъ особенныхъ различій между славянскими нарѣчіями, или говоря иначе, когда всѣмъ Славянамъ свойственъ былъ одинъ и тотъ же говоръ. Для исполненія этой громадной задачи, ему необходимо было принимать въ расчетъ, по крайней мѣрѣ, всѣ доступныя изслѣдованія и видоизмѣненія славянской рѣчи. Лингвистическая литература представляетъ для всѣхъ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій болѣе или менѣе удовлетворительныя пособія и вообще, съ точки зрѣнія общеславянской грамматики, пригготовительные труды. Относительно только вымершаго нарѣчія Полабскихъ Славянъ сдѣлано было еще слишкомъ мало, и Шлейхеръ, намѣреваясь, при воссозданіи основнаго славянскаго языка, принимать во вниманіе и это нарѣчіе, не могъ этимъ довольствоваться. По этому-то онъ и рѣшился, прежде всего, пополнить этотъ пробѣлъ въ лингвистической литературѣ, тѣмъ болѣе, что

въ его распоряженіе были даны довольно богатые матеріалы по этой части.

Впрочемъ, Шлейхеръ не могъ, не составляя особаго приготовительнаго сочиненія о полабскомъ нарѣчїи, включить это послѣднее въ сравнительную грамматику славянскихъ языковъ непосредственно изъ источниковъ. Но въ такомъ случаѣ поражала бы въ этой сравнительной грамматикѣ неравномѣрность въ представленіи отдѣльныхъ языковъ, особенно же вслѣдствіе безпрестанно повторяющихся отступленій и объясненій ради одного только полабскаго. „Полабскій языкъ долженъ быть, прежде всего, обработанъ вчернѣ для того, чтобы быть приспособлену къ принятію въ кругъ другихъ славянскихъ языковъ“ (стр. VI). Стало бытъ, настоящее сочиненіе должно представлять „оправданіе, доказательства и обоснованіе (Begründung) принятыхъ въ общеславянскую сравнительную грамматику полабскихъ словъ и ихъ правописанія“ (стр. VII). Но при всемъ томъ это есть только попытка, и ее нельзя считать полною грамматикой полабскаго нарѣчїя.

Кромѣ двухъ предисловій — Лескина и самого Шлейхера, настоящее сочиненіе распадается на двѣ главныя части: введеніе (стр. 1—20) и грамматику (стр. 21—299).

Введеніе начинается описаніемъ пособій, которыя, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ и образцы полабскаго языка, служили Шлейхеру и источниками (стр. 1—11). Это — труды *Гильфердинга* (Памятники нарѣчїя залабскихъ Древлянъ и Глинлянъ. С.-Пб. 1856), *Пфуля* (Pomniki Połobjan Słowjanščiny. Zhrmadził i wujasnjał Professor Dr. Pfulъ въ журналѣ *Časopis towarstwa Maćicy serbskeje*, 1863, XVI, 28—138; 1864, XVII, 141—212) и рукописный полабско-нѣмецкій словарь *Юглера*, составленный 1809 въ г. (Vollständiges Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch aus drei ungedruckten Handschriften und den wenigen bisher bekannten Sammlungen zusammengetragen von Johann Heinrich Jugler d. Arznelwiss. Doctor, etc. 1809). Въ это послѣднее сочиненіе вошли, между прочимъ, матеріалы, записанные Геннигомъ (Hennig) и представляющие самый капитальный источникъ для изученія полабскаго нарѣчїя. Записками же самого Геннига Шлейхеръ не могъ пользоваться; точно также онѣ не приняты въ соображеніе въ сочиненїяхъ Гильфердинга и Пфуля. Шлейхеръ подробно описываетъ рукопись Юглера и сообщаетъ то, что самъ Юглеръ рассказываетъ о Полабахъ и о другихъ рукописяхъ и обнаруженныхъ сборникахъ, служившихъ ему основаніемъ при составленїи его громаднаго словаря (стр. 2—11).

По свидѣтельству Юглера, въ 1751 году не было уже ни одного человѣка, который говорилъ бы по „вендски“ (то-есть, по полабски). Но за нѣсколько лѣтъ до того можно было найти въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ Дравэнѣ (Drawän) нѣсколько стариковъ, кое-какъ знавшихъ этотъ языкъ, но только послѣ долгихъ просьбъ рѣшавшихся сообщать другимъ свои свѣдѣнія. Въ началѣ 1798 года умеръ нѣкто Варацъ (Warratz), домохозяинъ въ Кремлинѣ (Cremmelin), бывший будто бы въ состояніи читать по вендски молитву Господню; но если это даже и правда, все-таки же сомнительно, понималъ ли онъ то, чтó произносилъ? (стр. 4).

Юглеръ перенесъ въ свой словарь весь матеріалъ изъ слѣдующихъ трехъ рукописей:

I. „Весьма старательный и точный списокъ съ подлинника знаменитаго труда Геннига“ (Christian Henning von Jessen, или правильнѣе, Christian Hennig von Jessen), находившійся тогда во владѣніи пастора Іоанна Шульце (Johann Schulze) и озаглавленный: „Kurtzer Bericht von der Wendischen Nation überhaupt, insondertheit von denen Lüneburger Wenden in denen Aemtern Lüchow, und deren Abkunft, auch von ihren rago, dem sogenannten Drawän, dabey ein Teutsch-Wendisches Wörter-Buch von selbigen Wenden ihrer Sprache curiosen Liebhabern zu gefallen abgefasset von Chilian *Wendholt*. Anno 1705“. Словарь Геннига, какъ самый богатый и точный по правописанію сборникъ полабскихъ словъ и выраженій, былъ положенъ Юглеромъ въ основаніе его труда.

II. Вторая рукопись, озаглавленная „Wendisches Lexicon“ и принадлежавшая въ то время г. Плато (Herr Landrath Christian Ludwig von *Plato* auf und zu Grabow bei Lüchow), заключаетъ въ себѣ тоже словарь Геннига, но списанный далеко не съ тою полнотою и точностью, какъ въ первой рукописи.

III. Третья рукопись представляетъ собственноручныя записки (1724 или 1725 г.) домовладѣльца въ Сютенѣ (Sühten), Іоанна Парумъ Шульце (Johann Parum Schultze). Интересна картина постепеннаго окончательнаго вымиранія полабскаго нарѣчія, нарисованная въ краткихъ словахъ авторомъ этой рукописи: Его дѣдъ хорошо говорилъ по вендски, и его отецъ еще вполне владѣлъ вендскимъ языкомъ. Нѣкоторые старики, родившіеся отъ Вендовъ, говорили на половину по вендски, на половину по нѣмецки. Сестра автора, которая была моложе его пятью годами понимаетъ еще кое-что изъ вендскаго языка, но братъ его, который на восемь лѣтъ его моложе, совер-

шенно ничего не понимаетъ. Ему, автору, 47 лѣтъ. Послѣ его смерти и послѣ смерти еще трехъ лицъ въ его деревнѣ, никто уже не будетъ знать, какъ зовутъ собаку по вендски (стр. 6—7).

Сказавъ нѣсколько словъ о великой важности записокъ Парумъ Шульце, о судьбахъ этой рукописи и о ея частныхъ изданіяхъ (стр. 7—8), Шлейхеръ продолжаетъ описаніе труда Юглера его собственными словами. Юглеръ описываетъ способъ, какъ онъ пользовался тремя рукописями, изчисляетъ всѣ, употребленныя имъ, печатныя собранія полабскихъ словъ, и т. д. Затѣмъ, указавъ на высокія достоинства труда Юглера и изчисливъ сокращенія, принятыя этимъ трудолюбивымъ собирателемъ для обозначенія отдѣльныхъ источниковъ, Шлейхеръ высказываетъ мнѣніе, что изъ всѣхъ названныхъ источниковъ заслуживаютъ вниманія, кромѣ сообщеній Митгофа (Mithof), только Геннигъ, Пфеффингеръ (Pfeffinger) и Парумъ Шульце (стр. 9—11).

Шлейхеръ не распространяется здѣсь о правописаніи источниковъ, такъ какъ ему не разъ приходится говорить объ этомъ въ фонетикѣ, и такъ какъ, кромѣ того, всякое слово въ научной транскрипціи онъ сопровождаетъ написаніями этого слова, встрѣчаемыми въ источникахъ. Общія же свойства источниковъ, за исключеніемъ, конечно, самаго капитальнаго труда Геннига, описаны въ сочиненіяхъ Гильфердинга и Пфуля. Вообще нужно сказать, что способъ обозначенія полабскихъ словъ въ источникахъ далеко не такъ плохъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Особенною старательностью отличаются Геннигъ и Пфеффингеръ, обозначающіе даже удареніе отдѣльныхъ словъ; Геннигъ же, кромѣ того, дѣлаетъ иногда обстоятельныя замѣчанія о произношеніи славянскихъ словъ. Впрочемъ, нѣкоторыя явленія, какъ напримѣръ, смѣшеніе звонкихъ и глухихъ согласныхъ (*t* съ *d*, *p* съ *b* и т. п.), свидѣтельствуютъ о недостаточной тонкости и впечатлительности уха, и т. д. (стр. 11).

Ни одинъ изъ записывателей не понималъ по славянски (а Парумъ Шульце?), и это, можетъ-быть, пошло въ пользу для собранныхъ ими матеріаловъ, ибо такимъ образомъ они, по крайней мѣрѣ, не были въ состояніи производить надъ ними никакихъ шульмейстерскихъ операцій. Но за то, вслѣдствіе полнаго незнанія записываемаго языка, они впадали въ нѣкоторыя недоразумѣнія. Иначе и быть не можетъ тогда, когда спрашивающій вовсе не понимаетъ языка спрашиваемаго индивидуума, который опять, съ своей стороны, владѣеть¹ языкомъ спрашивающаго только недостаточно, и притомъ не имѣетъ надлежащаго образованія и не понимаетъ сущности дѣла.

Такъ, напримѣръ, если французское „азезъ“ (Пфеффингеръ) переводится мнимымъ полабскимъ словомъ: „tujaudüst“, французское же „étranger“ словомъ „tojazéiza“, то здѣсь являются вмѣсто одного три полабскія слова: „tū jā dūst“ (это есть довольно) и „tū jā:ceúdzl“ (это есть чужой). Пфеффингеръ спрашивалъ, напримѣръ: „какъ; будетъ по полабски довольно (genug)“? Полабъ же отвѣчалъ: „это есть (= это называется) „dūst“ и т. п. Иногда спрашиваемый Славянинъ относился вполне серьезно къ задаваемому ему вопросу, и вмѣсто того, чтобы перевести его по полабски, онъ отвѣчалъ на него на этомъ нарѣчии. Такъ, напримѣръ, Пфеффингеръ спрашивалъ по нѣмецки: „хотите ѣсть?“ не прибавляя, вѣроятно, вводныхъ словъ „какъ; будетъ по нѣмецки“, такъ какъ они сами собою подразумевались; Полабъ же отвѣчалъ на своемъ нарѣчии: „и хочу ѣсть“, — и Пфеффингеръ считалъ его отвѣтъ точнымъ переводомъ заданнаго вопроса. На нѣмецкій вопросъ: „хотите спать со мною?“ Полабъ отвѣчалъ: „я не хочу спать“, — и опять такое же недоразумѣніе; и т. п. Нѣкоторые недоразумѣнія произошли вслѣдствіе того, что спрашиваемый Славянинъ принималъ сказанное спрашивающимъ нѣмецкое слово въ значеніи другого съ нимъ однозвучнаго или же только подобозвучнаго нѣмецкаго слова. Такъ, между прочимъ, такое смѣшеніе произошло съ словами „stahl“ (сталь) и „stohl“ (украденный) со словами „weig“ (= heede, по франц. etoupe) и „werk“ (opus); и т. п. Спрашиваемый Полабъ переводилъ иногда простое нѣмецкое слово по полабски описательно, или же нѣмецкій *infinitivus* какою-нибудь окончательною формою полабскаго нарѣчія, подчасъ даже въ соседненіи съ мѣстоименіемъ. Такъ, напримѣръ, нѣм. „flammen“ переведено полабскимъ сочетаніемъ словъ, соответствующимъ русскому „огонь горитъ“; нѣмецкое „bedegnen“ (встрѣтить) полабскимъ „cutkósch jig“, то-есть, оутькохъ ісго (я его встрѣтилъ), и т. д. Нѣкоторые недоразумѣнія произошли вслѣдствіе того, что спрашиваемый Полабъ зналъ по нижненѣмецки (plattdeutsch), тогда какъ спрашивавшему Нѣмцу было чуждо это нарѣчіе. Этимъ объясняется переводъ нѣмецкаго „Bärg“ (медвѣдь) полабскимъ словомъ, выражающимъ тоже, что русское „руши“ (по нижненѣмецки „bege“), равно какъ и переводъ нѣм. „welches“ (какое, которое) полабскимъ „kok'üg“, равнымъ русскому „какого“ (въ нижненѣмецкомъ или въ *plattdeutsch* именительному пад. ед. ч. средняго рода свойственно окончаніе *t*, между тѣмъ какъ *s* встрѣчается тамъ только въ род. пад. ед. ч. мужск. и сред. рода. Иногда записывавшій Нѣмецъ, не понимая состава славянскихъ словъ и вы-

раженій, раздѣлялъ ихъ совершенно ошибочно и, въ слѣдствіе того создавалъ какія-то не существующія полабскія слова. Такимъ образомъ родилось слово „leissa“, значащее будто бы „zusammen, untereinander“, а въ сущности составленное изъ конечнаго слога имен. п. множ. ч. причастій дѣйствительныхъ прошедшаго времени, употребляемыхъ для выраженія прошедшаго времени, и изъ мѣстоименія *си*, точно также, какъ еслибы кто изъ латинскаго „amaverunt se“ и т. п. выдѣлялъ „gunt se“, и считая его однимъ словомъ, присвоилъ ему тоже значеніе „другъ друга“, „взаимно“ (untereinander, zusammen), или еслибы кто въ русскіихъ *любились, встрѣчались, обнимаются* и т. д. считалъ *лись* особымъ словечкомъ, означающимъ „ся“, „себя“, „другъ друга“ и т. д. Спрашиваемый *съ субботу*, Полабъ пореволтъ нѣмецъ „heute“ полабскимъ—*sūbūta* (суббота), нѣм. „gestern“—пол. *skōrū* (пятница, какъ скуной, худой, постный день), нѣм. же „morgens“—полаб. *jā nedīla* (есть недѣля, воскресенье), что спрашивавшій Нѣмецъ считалъ однимъ словомъ „Janidiglia“, и т. д. (стр. (11—14).

Изъ этого видно, какія затрудненія встрѣчалъ Шлейхеръ при чтеніи полабскихъ источниковъ, какъ постоянно долженъ былъ имѣть въ виду всевозможныя недоразумѣнія и ошибки, и какъ наконецъ долженъ былъ, такъ-сказать, сжиться, свыкнуться съ источниками, чтобы совершенно ихъ понимать и пользоваться ими вполне свободно. Не смотря на все это, ему не удалось понять нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногочисленныхъ, мѣстъ полабскихъ источниковъ.

Кромѣ описанія пособій и источниковъ, во введеніи находимъ общія замѣчанія о полабскомъ нарѣчій въ отношеніи къ другимъ славянскимъ (стр. 14—18) и о вліяніи нѣмецкаго языка на полабскій (стр. 18—20).

Всѣ дошедшіе до насъ остатки полабскаго нарѣчія записаны въ одной только мѣстности, въ окрестностяхъ Люхова (Lüchow), на западъ отъ рѣки Эльбы (=Лабы) въ бывшемъ Ганноверскомъ королевствѣ; эту мѣстность еще теперь Нѣмцы зовутъ „Wendland“ (земля Вендовъ).

Судя по этимъ остаткамъ, Шлейхеръ, по примѣру Гильфердинга, признаетъ ближайшее родство полабскаго съ кашубскимъ, и затѣмъ ближайшее родство обоихъ, какъ цѣлаго, съ польскимъ, такъ что эти два видоизмѣненія славянскаго языка, полабско-кашубское и польское, можно подвести подъ одну общую категорію ляхской (Lechisch) группы славянскихъ нарѣчій, происшедшихъ отъ одного общаго ляхскаго основнаго языка. Полабскій и кашубскій принадлежатъ, такимъ

образомъ, къ западной, польскіе же говоры къ восточной вѣтви ляхской языковой области.

Ближайшее родство полабскаго и польскаго доказывается: 1) своею обоимъ замѣной первоначальнаго сочетанія *dj* слитнымъ звукомъ *ds* (не *s*, какъ въ чешскомъ и лужицкихъ), напримѣръ, полабск. *midsa*, польск. *miedza* и т. п.; 2) общимъ обоимъ языкамъ измѣненіемъ *g* (*i*) передъ *ъ* и *и* (*i*) въ *ds* (*ds*), напримѣръ, полабск. *nūdzē*, польск. *podze*, и т. п.; 3) сохраненіемъ носовыхъ гласныхъ, и кромѣ того, одинаковымъ чередованіемъ ихъ, какъ въ полабскомъ (*ā* и *jō*), такъ и въ польскомъ (*e* и *ia*), напримѣръ, полабск. *dēsāt—rātdešōt*, польск. *dziesięc—pięcdziesiąt*, и т. п. Это ближайшее родство полабскаго и польскаго подтверждается и другими фонетическими явленіями, равно какъ и лексическимъ составомъ обоихъ нарѣчій.

Какъ уже сказано, изъ всѣхъ говоровъ, подходящихъ въ настоящее время подъ категорію польскаго, въ самомъ близкомъ родствѣ съ полабскимъ находятся говоры кашубскіе; изъ польскихъ же, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, самое близкое сходство съ полабскимъ можно найти въ западно-польскихъ (?) говорахъ (таковы, напримѣръ, мазурское *s*, *z*, *c*, вмѣсто *sz*, *ź*, *cz*). Еслибы намъ были извѣстны всѣ славянскіе говоры, жившіе когда-то между дравенско-полабскимъ и собственнымъ польскимъ, то мы, безъ сомнѣнія, могли бы показать постепенный переходъ отъ восточно-польскаго къ дравенскому.

Съ кашубскимъ полабское нарѣчіе связываетъ прежде всего настоящее удареніе (accent), то-есть, удареніе свободное, не привязанное къ предпоследнему слогу, какъ въ польскомъ; кромѣ того, *o* вмѣсто *a* (это, впрочемъ, не есть исключительно западно-ляхское свойство, такъ какъ оно встрѣчается тоже и въ восточно-ляхскомъ, то-есть, въ польскомъ),—сочетаніе гласнаго съ согласнымъ *r* и съ какимъ-нибудь другимъ согласнымъ вмѣсто сочетанія *r* съ гласнымъ и согласнымъ, свойственнаго большинству славянскихъ языковъ, напримѣръ, кашубское и полабское *morz*, польск. *morz*, стар.-сл. *mrazъ* (морозъ), и т. п. Впрочемъ, кашубскіе говоры отличаются отъ извѣстнаго намъ полабскаго, между прочимъ, сохраненіемъ согласныхъ *š*, *ž*, *č* (=ш, ж, ч), измѣнившихся въ полабскомъ, на подобіе мазурскаго, въ *s*, *z*, *c*, и т. д.

По всему этому западная вѣтвь славянскихъ языковъ распадается прежде всего на два большіе отдѣла: 1) ляхскій (польскій) или сѣверный, съ носовыми гласными и 2) чешскій (чешско-сорбскій) или южный, безъ носовыхъ гласныхъ. Ляхскій отдѣлъ дѣлится на восточно-ляхскій (польскій) и западно-ляхскій (полабскій); между которыми

кашубскій и въ нѣкоторомъ отношеніи западно-польскіе говоры служатъ, кажется, переходнымъ звеномъ. Чешскій отдѣлъ распадается, подобнымъ образомъ, на восточно-чешскій (чешскій въ тѣсномъ смыслѣ и словацкій) и западно-чешскій (сорбскій), которые опять распадаются на поднарѣчія и говоры.

Очень интересно было бы опредѣлить древнюю границу полабскаго или западно-ляшскаго и соробо-чешскаго. Исслѣдованіе славянскихъ мѣстныхъ названій позволило бы, можетъ-быть, узнать эту границу еще въ настоящее время, такъ какъ носовые гласные, дифтонги *ei* (*ai*) и *ai* вмѣсто *ou* и *u* (*i*) или же *ai*, равно какъ и *tj* = *k*, *dj* = *g*, служатъ тѣмъ отличительными чертами полабскаго, въ различіи отъ сорабскаго (лужицкаго), что даже въ онѣмеченной формѣ мѣстныхъ названій не могло сгладиться это различіе двухъ языковъ (стр. 14—18).

Полабскій языкъ былъ подверженъ сильному нѣмецкому вліянію, и не только въ лексикальномъ отношеніи. Когда со временемъ языковѣдніе займется исслѣдованіемъ взаимодѣйствія однихъ языковъ на другіе, то изученіе полабскаго окажется чрезвычайно поучительнымъ въ этомъ отношеніи.

Изъ множества заимствованныхъ Полабами нѣмецкихъ словъ особенно интересны частицы, каковы: *wach*, *weg* („fort“, „weg“, напримѣръ, *wachnüssa* = er trägt, fort), *där* (durch) (*därbist* = durchstechen), *ehr*, *har* (her) (*härriß*, *riß här* = er sagt her, sag her) и т. п.

Но то же словосочиненіе (синтаксисъ) и такъ-называемая „внутренняя форма языка“ (*innere Sprachform*) представляютъ очень часто нѣмецкое вліяніе. Такъ, напримѣръ, *passivum* передается, на подобіе ниже-сорабскаго, нѣмецкимъ „werden“ (*mo vârdót euv'ôzónŭ* = er soll angebunden werden), *præteritum activi* описывается довольно часто, какъ въ кашубскомъ, глаголомъ „имѣть“ или же „быть“ въ соединеніи съ *participium præteriti passivi* (*mos piirdón* = du hast verkauft; *jã eum'ärtŭ* = er ist gestorben), хотя встрѣчается тоже славянское образованіе этого времени (*tãi krođâl* = ты кралъ) и т. д. Точно также нѣмецкому вліянію слѣдуетъ приписать употребленіе слова „*védřŭ*“ (вѣдро, serenitas) совершенно въ значеніи нѣмецк. „*Wetter*“ (вслѣдствіе подобозвучія этихъ двухъ словъ); смѣшеніе дат. и винит. пад. ед. ч. личнаго мѣстоименія 1-го лица (*miñé* и *miñě*), на подобіе смѣшенія „*mir*“ и „*nich*“ въ Берлинскомъ говорѣ; употребленіе прилагательнаго *glěbuřŭ* (глухой) въ значеніи „молодой“ (*jung*), вслѣдствіе вліянія нѣмецкаго *jung*, означающаго въ средне-

верхнеиѣмецкомъ (?) не только „dumm, unverständlich“, но и „überfahren“ и именно даже „jung“; и т. д.

Наконецъ, и звуковыя отношенія полабскаго нарѣчія носятъ на себѣ сильный отпечатокъ иѣмецкаго вліянія; что, впрочемъ, обыкновенно имѣетъ мѣсто въ граничащихъ другъ съ другомъ языкахъ. Такъ, напримѣръ, сюда слѣдуетъ отнести дифтонги $ai = i$ (и) и ei (au) = u (ou). Но кромѣ того, автору кажется, что въ полабскомъ, какъ и въ теперешнемъ иѣмецкомъ, съ удареніемъ было связано и удлинненіе слога; это предположеніе оправдывается правописаніемъ источниковъ. Поэтому-то долгота гласныхъ является въ полабскомъ, по крайней мѣрѣ отчасти, чѣмъ-то вторичнымъ, не имѣющимъ значенія при изученіи сущности славянскихъ гласныхъ (стр. 18—20). Ср. также то, что говорится о вліяніи иѣмецкаго языка въ § 43 стр. 75, § 69 стр. 110, § 127 стр. 170, § 151 стр. 195, § 262 стр. 293, и т. д. Можно бы еще въ словѣ „gouān“; множ. *gouni* или же *goune*, уменьшат. *gouñā* (воронъ) видѣть уподобленіе и звуковое приращеніе къ иѣмецкому *rabe* (стр. 161, § 119; ср. *vedrñ = wetter*, стр. 19).

За введеніемъ слѣдуетъ постоянная грамматика полабскаго нарѣчія, которая, по обыкновенію, распадается на *звукоученіе* (фонетику, стр. 21—164) и *морфологию* (Formenlehre, стр. 164—299), которая опять раздѣляется на краткій очеркъ *темообразованія* (zur Stammbildungslehre, стр. 164—197) и на *словообразованіе* (Wortbildungslehre, стр. 198—299). Синтаксиса нѣтъ, за недостаткомъ соотвѣстныхъ матеріаловъ. Въ упорядченіи матеріала Шлейхеръ не стремился вовсе къ строго-научному раздѣленію; но прежде всего имѣлъ въ виду облегчить употребленіе этой книги, и поэтому придерживался, по возможности, обыкновеннаго порядка славянскихъ грамматикъ (стр. VII). И вообще въ книгѣ Шлейхера преобладаетъ чисто эмпирическое изложеніе, безъ особенныхъ научныхъ претензій. Все здѣсь представлено по объекту, а не по отвѣченнымъ лингвистическимъ категоріямъ. Такъ, напримѣръ, сопоставляются вмѣстѣ не однородныя, тождественныя измѣненія разныхъ звуковъ при тѣхъ же условіяхъ, но всѣ видоизмѣненія одного и того же звука; не тождественныя явленія въ разныхъ существительныхъ или же глаголахъ, напримѣръ, тождественныя направленія аналогій и т. п.; но разнообразные виды основъ, одинъ за другимъ, со всѣми принадлежащими имъ формами. При этомъ авторъ располагаетъ явленія полабскаго нарѣчія не по его же собственнымъ категоріямъ, но по категоріямъ дру-

гихъ, болѣе древнихъ, родственныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ, въ фонетикѣ онъ разсматриваетъ не отдѣльные полабскіе звуки съ показаніемъ только соответствующихъ имъ звуковъ въ языкахъ родственныхъ; но напротивъ того, исходною точкою при изслѣдованіи полабскихъ звуковъ принимаетъ отдѣльные звуки старославянскаго языка и затѣмъ только исчисляетъ соответствующія имъ полабскія звуковыя явленія. Раздѣленіе склоненій произведено не въ фактически данныхъ предѣлахъ полабскаго нарѣчія, но по общему шаблону, принятому Шлейхеромъ, для всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. (о нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ въ этомъ отношеніи я буду говорить въ послѣдствіи) и т. д.

Фонетика распадается на ученіе о гласныхъ (стр. 21—122) и на ученіе о согласныхъ (стр. 122—162). Въ ученіи о гласныхъ авторъ, сказавъ нѣсколько словъ объ удареніи (§ 2), о количествѣ гласныхъ (quantität der vocale) (§ 3), и наконецъ, о правописаніи гласныхъ (§ 4) (стр. 22—27), разсматриваетъ прежде всего полабскія соответствія старославянскимъ глухимъ (geschwächte) гласнымъ ѣ и ѣ (§§ 5—19), затѣмъ, соответствія старосл. глухимъ разряда *a*, то-есть, гласнымъ *e*, *o*, *a* (20—42), старосл. *и* и *ь* (§§ 43—60), *ы* и *оу* (§§ 61—71), и наконецъ, старосл. носовымъ гласнымъ *ѣ* и *ѣ* (§§ 72—79), (стр. 27—121), къ чему приложено наглядное сопоставленіе результатовъ изслѣдованія полабскихъ гласныхъ въ отношеніи къ древне-болгарскимъ (старославянскимъ) (§ 80, стр. 121—122). Въслѣдствіе запутанности отношеній полабскихъ гласныхъ необходимо было по большей части отдѣльно разсматривать одинъ и тѣ же гласныя въ серединѣ, въ началѣ и въ концѣ словъ, и кромѣ того, постоянно обращать вниманіе на то, произносится ли данный гласный съ удареніемъ, или же безъ него, стоитъ ли онъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, передъ удареннымъ слогомъ, или же послѣ него, и т. д. (ср. стр. 22, § 1).—Въ ученіи о согласныхъ, послѣ нѣсколькихъ словъ о смягченіи согласныхъ (§ 82), разсмотрѣны полабскія соответствія отдѣльнымъ старославянскимъ согласнымъ въ слѣдующемъ порядкѣ: гортанные *k*, *g*, *x* (§§ 83—88), небный *j* (§§ 89—93), язычные *ч*, *ж*, *ш* (§§ 94—96), зубные *m*, *d* съ измѣненіями *шт*, *жд* (зубными въ полабскомъ); *c*, *z*, *к*, *н* (§§ 97—104), губные *n*, *b*, *v*, *м* (§§ 105—109), и наконецъ, *p*, *л* (§§ 110—117), (стр. 124—158). Конечно, Шлейхеръ не придерживался здѣсь строго-научнаго, фізіологическаго раздѣленія согласныхъ, а только имѣлъ въ виду практическія удобства.—Ученіе о согласныхъ оканчивается разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ явленій, общихъ различію

нымъ согласнымъ; вотъ они: А. уподобленіе (ассимиляція) и исчезновеніе согласныхъ (§ 118), В. перестановка (§ 119) и С. прибавленіе согласныхъ (§ 120), (стр. 158—162). — Въ концѣ фонетики помѣщено *прибавленіе*, представляющее наглядное сопоставленіе научнаго (Шлейхеровскаго) *полабскаго алфавита* съ самыми обыкновенными написаніями источниковъ и съ начертаніями соответствующихъ старославянскихъ звуковъ (§ 121, стр. 162—164).

Въ ученіи объ образованіи темъ Шлейхеръ поставилъ себѣ задачу не полную обработку матеріала, находящагося въ источникахъ, а только приблизительно вѣрную характеристику дравенскаго (полабскаго) языка также и съ этой стороны. Какъ въ фонетикѣ и вообще во всей книгѣ, такъ и здѣсь имѣлось въ виду не научное упорядченіе матеріала, но только практическое удобство. Итакъ, здѣсь разбираются: 1) причастія, неокончат. наклоненіе и т. п., однимъ словомъ, прилагательныя и существительныя темы, образованныя отъ темъ глагольныхъ (§§ 123—132, стр. 166—176), 2) нѣкоторыя другія существительныя темы, упорядченныя по входящимъ въ составъ суффиксовъ согласнымъ (§§ 133—140, стр. 176—182), 3) темы уменьшительныхъ (§§ 141—144, стр. 182—187), 4) нѣкоторыя прилагательныя темы (§§ 145—149, стр. 187—192), 5) формы степеней сравненія прилагательныхъ (§ 150, стр. 192—193), 6) имя числительное (§§ 151—152, стр. 193—196), 7) сложеніе (§ 153, стр. 197) (ср. § 122, стр. 165).

Последняя часть труда Шлейхера, наука о словообразованіи (*Wortbildungslehre*), извѣстная обыкновенно подъ именемъ словоизмѣненія или же флексіи, распадается на два главные отдѣла: *склоненіе* (стр. 198—263) и *спряженіе* (стр. 263—299).

Въ склоненіи разсматриваются прежде всего именныя темы, затѣмъ темы мѣстоименныя и безродныя (личныя) мѣстоименія 1-го и 2-го лица вмѣстѣ съ мѣстоименіемъ возвратнымъ (*reflexivum*).—Подраздѣленіе именныхъ темъ (§§ 155—214, стр. 199—248) — обыкновенное Шлейхеровское, извѣстное изъ его „Compendium“ и другихъ сочиненій покойнаго лингвиста. Здѣсь мы встрѣчаемъ по очереди: 1) темы на *a* (приндоевропейское) всѣхъ трехъ родовъ, муж., сред. и жен. (§§ 155—185), и темы на *ja*, тоже трехъ родовъ (§§ 186—200), съ приложеніемъ остатковъ существительнаго склоненія прилагательныхъ (§ 201) (стр. 199—237); 2) муж. темы на *u* (*y*) и 3) жен. темы на *y* (*u*) (§§ 202—205, стр. 237—242); 4) муж. и жен. темы на *i* (§§ 206—209, стр. 243); затѣмъ всѣ такъ-называемыя согласныя темы: 5) муж. на *en* (ен), 6) сред. на *en*, 7) сред. на

es, 8) сред. на *et*, 9) жен. на *er* (§§ 210—214, стр. 245—248). Послѣ каждаго большого отдѣла слѣдуетъ парадигматическое обозрѣніе свойственныхъ ему падежныхъ окончаній (§§ 185, 200, 205, 209 и 214) (ср. § 154, стр. 198). — Въ отдѣлѣ мѣстоименныхъ темъ (§§ 215—230, стр. 249—259) изчисляются всѣ встрѣчаемыя въ источникахъ формы мѣстоименій *тѣ* (§ 215), *сѣ*, (§ 216), *кѣ*, *чѣ* (217), *и* (§ 218), числит. *два*, *оба* (§ 219), мѣст. притяж. *мой*, *твой*, *свой* (§§ 220—221), *нашъ*, *вашъ* (§ 222), *всѣ* (§ 223); затѣмъ слѣдуетъ обозрѣніе доказанныхъ источниками падежныхъ окончаній мѣстоименнаго склоненія (§ 224), и наконецъ, склоненіе опредѣленнаго (слитнаго съ мѣстоименіемъ) прилагательнаго вмѣстѣ съ парадигматическимъ обозрѣніемъ относящихся сюда формъ (§§ 225—230). — Отдѣлъ склоненія (личнаго) мѣстоименія 1-го и 2-го лица вмѣстѣ съ возвратнымъ (§§ 231—238, стр. 259—263) начинается парадигматическимъ обозрѣніемъ формъ (§ 231), и затѣмъ, представляетъ по очереди доказательства всякой изъ этихъ формъ, почерпнутыя изъ источниковъ (§§ 232—238).

И при изложеніи сопряженія авторъ имѣлъ въ виду болѣе наглядность и удобство, нежели строго научное упорядченіе матеріала. Поэтому эта часть начинается сопоставленіемъ встрѣчаемыхъ въ источникахъ окончаній глагольныхъ формъ, настоящаго вр., повелительнаго накл., несовершеннаго вр. (Imperfect), сложнаго аориста и простаго аориста (§§ 240—244, стр. 264—269). Затѣмъ слѣдуетъ упорядоченное по конечнымъ звукамъ соответствующихъ старославянскихъ корней или же глагольныхъ темъ сопоставленіе находящихся въ источникахъ глагольныхъ формъ вмѣстѣ съ причастіями и неокончательнымъ наклоненіемъ, и именно въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) основные (коренные) глаголы (Stammverba), корень которыхъ оканчивается на согласный (мгновенный или же придумной, зубной или же гортанный) (§§ 245—247), 2) глаголы, корень которыхъ оканчивается на посовый согласный (§ 248), 3) глаголы на *р*, *л* (§ 249), 4) глаголы съ гласнымъ окончаніемъ корня (§ 250), 5) глаголы, образующіе настоящее время, на подобіе 1-го отдѣла, съ помощью суффикса *е*, вторую же тему приставкою къ корню гласнаго *а* (§ 251), 6) глаголы, образующіе настоящее вр. съ помощью суффикса *je* (= первб. *ja*), вторую же тему съ помощью *а* (§§ 253—254), 7) глаголы, образующіе настоящее вр. съ помощью суффикса *не* (1 ед. нѣ, 3 ед. *не-тъ*) (§ 255), 8) глаголы съ неокончательнымъ на *и-ти* (§§ 256—257), 9) глаголы съ неокончат. на *н-ти* или же, по звуковымъ законамъ, *а-ти*, 1 ед.

наст. 1-го (§§ 258—259), 10) глаголы на а-ти; 11) ед. наст. а-ть и ихъ видоизмѣненія (§§ 260—262) (стр. 269—294); въ концѣ отдѣла о спряженіи изчислены положительно данныя формы такихъ глаголовъ, которые представляютъ нѣчто особенное и различное отъ глаголовъ, принадлежащихъ къ 10-ти прежде разобраннѣмъ классамъ; 11) идѣ, ити; 12) кмь, быти, 13) ѣмь, ѣсти, 14) вѣмь, вѣдѣти, 15) дамь, дати, 16) деждѣ, дѣти, 17) хѣпѣ, хѣтѣти, 18) имамь, имѣти (§§ 263—270, стр. 294—299) (ср. § 239, стр. 263—264). Какъ (вездѣ, такъ и въ спряженіи, исходною точкой и основаніемъ служили Шлейхеру старославянскія формы, съ коими сопоставляются соотвѣтствующія имъ полабскія.

Къ труду Шлейхера приложенъ подробный указатель всѣхъ полабскихъ словъ и формъ, встрѣчающихся въ его книгѣ (стр. 301—353). Этотъ драгоценный указатель, въ значительной степени облегчающій употребленіе самаго сочиненія, составляетъ профессоромъ Лескиномъ.

Считаю небезполезнымъ указать на нѣкоторыя болѣе интересныя подробности, сообщаемыя въ этомъ замѣчательномъ трудѣ, заслуживающемъ полнаго вниманія специалистовъ.

И такъ, между прочимъ, въ фонетическомъ отношеніи очень интересно замѣчаніе Шлейхера, что, по всей вѣроятности, всѣ конечныя гласныя безъ ударенія, за исключеніемъ, можетъ-быть, одного неудареннаго конечнаго а, слились въ полабскомъ въ одинъ неопредѣленный, краткій звукъ, похожій на старосл. э или же э, обозначаемый въ источникахъ черезъ а, а, рѣже черезъ і, или же вообще не обозначаемый (стр. 112, § 71). Далѣе, особенно интересно все то, что говорится объ основнхъ гласныхъ (§§ 72—79, стр. 114—121), при чемъ между прочимъ приводятся примѣры вторичной, однимъ только Полабамъ свойственной, трудно объяснимой назализаціи: 3-е л. ед. ч. jě (есть) и мѣстоименія tō (ср. польское ten) и sō, оба, означающіе „этотъ“ (ср. стсл. тѣ и съ) (§ 79, стр. 121; ср. § 264, стр. 295—296). Кроме того, въ области гласныхъ заслуживаютъ, между прочимъ, вниманія измѣненіе удареннаго е въ серединѣ словъ въ і (рядомъ съ і; §§ 20—22, стр. 47—50) и параллельное съ нимъ измѣненіе о въ ѣ (рядомъ съ ѣ; §§ 27—29, стр. 57—61); какъ здѣсь, такъ и тамъ, передъ r никогда не встрѣчается ни і, ни ѣ, но только е и ѣ. Въ области согласныхъ обращаю вниманіе читателей на два болѣе выдающіяся явленія полабскаго парфчія: 1) смѣшеніе общеславянскихъ и общесѣверо-западно-славянскихъ ч, ш, ж и ч, с, з, на подобіе мазурскихъ говоровъ польской языковой области, безъ различія въ ч, с, з,

такъ что согласныхъ *ч, ш, ж* вовсе не имѣется въ полабской (§§ 94—96, стр. 133—137); 2) переходъ согл. *к, г* и *х* передъ небными (узкими) гласными въ мягкіе согласные, обозначаемые въ источникахъ: *к* и *г* начертаніями *tj, tg, tsch tschi, tij, г* кромѣ того тоже *dj, dg, dij, dig, x—ch, chg, chj, cz* (то-есть, *s*) *sch* и т. п. (§§ 83, 85, 87, 88, стр. 124—129) то-есть, въ очень мягкіе *j, d, c, (t', d', s, это послѣднее среднее, можетъ-быть, между польскимъ s и нѣмецкимъ ch въ sichel, Michel; Шлейхеръ обозначаетъ ихъ, по этимологическимъ причинамъ, начертаніями k', g', ch'), или лучше сказать, въ мягкіе согласные того мѣста въ полости рта, гдѣ безразлично сливаются, въ сопровожденіи элемента мягкости, то-есть, тѣснаго сближенія верхней поверхности языка съ небомъ, задне-язычные согл. въ родѣ k, g, ch съ передне-язычными въ родѣ t, d, s и т. д. Аналогическихъ явленій въ другихъ языкахъ достаточно; такъ, напримѣръ, можно упомянуть о свойственномъ нѣкоторымъ русскимъ говорамъ переходѣ мягкихъ *к* и *г* въ мягкіе *т* и *д* (тисточка вм. висточка, тинула вм. винула, подибла вм. погибла и т. п.), о греческихъ іоническихъ и аттическихъ *τε, τι τι-ς, πό-τα, πέντε, τέσσαρες* и т. д. вмѣсто праиндоевропейскихъ *ka, ki-t, ki-s, katvaras* и т. д., латинскихъ *que, qui-d, qui-s, quinque, quatuor* и т. д., греч. дорическихъ *πό-χα, -ἄλλο-χα* и т. п., эолическія *πέπτα* и т. д. Этотъ переходъ *к, г, ch* въ *k', g', ch'* (по правописанію Шлейхера, который допускаетъ возможность даже фонетическаго различія между *k'* и *g'* изъ *к* и *г* и между *t'* и *d'* изъ *т* и *д*, см. § 83, стр. 124; различіе *ch'* и *s'* изъ *s* доказывается правописаніемъ источниковъ, см. §§ 87 и 101, стр. 128 и 142) произошелъ передъ небными гласными и даже согласными какъ въ коренно-славянскихъ, такъ и въ усвоенныхъ словахъ, напримѣръ, съ одной стороны *k'úsa* (коса), *sk'ěra* (кора), *vilk'ě* (очень), *k'eugā* (цыпленокъ), *k'nāz* (князь), *vūg'in* (огонь), *g'úst* (гость), *g'ōra* (гора), *g'ěumnú* (гумно), *jōg'nā* (ягненокъ), *veuch'ú* (ухо), *ch'úst* (помело, „хвостъ“), *ch'ěudŷ* (худой), *ch'údi* (ходить), *ch'mil* (хмѣль) и т. п., съ другой же *k'áisar* (цѣсарь, kaiser), *sk'áiba* (кусокъ хлѣба, schein), *rank'úk* (pfannkuchen, отъ ниже-нѣмецкой формы этого слова), *k'arl* (человѣкъ, kerl) и т. п. Характеристично для звука *ch'* выраженіе въ источникахъ согласнаго *j* считаніемъ буквы *ch*, напримѣръ, *dolčch*, то-есть, *dolčj* (долѣе) и т. п. (§ 93, стр. 132—133). Отъ польскаго полабскій отличается, между прочимъ, потерю твердаго польско-русскаго *л* (*l*) (§ 113, —стр. 155) и съ другой стороны, сохраненіемъ непреходно-мягкаго *р* (*r'*), между тѣмъ какъ польскій измѣнилъ, его, въ *t* (*rs pf*) (§ 110, стр. 153). Относительно фонетики*

усвоенныхъ словъ, можно упомянуть о томъ, что какъ нѣмецкое *w*, также точно и нѣмецкое *f*, *v* перешли въ полабское въ *v* (*b*) (§ 108, стр. 152) и т. д.

Замѣчательны судьбы полабскаго склоненія, подвергшагося, въ сравненіи съ древнеславянскимъ склоненіемъ, многимъ измѣненіямъ, преимущественно вслѣдствіе особеннаго развитія звуковаго состава языка и затѣмъ вслѣдствіе вліянія аналогіи. Соображенія автора, касающіяся этой послѣдней (аналогіи), чрезвычайно мѣткі; см., между прочимъ, § 179 стр. 217, § 191 стр. 226, § 199 стр. 233, § 202 стр. 239, § 204 стр. 241 и т. д. Къ интереснымъ подробностямъ склоненія принадлежатъ тоже замѣчанія, вопервыхъ, что мнимый родит. множ. на *б* (*ж*), выдуманный Пфулемъ, есть не что иное, какъ винит. ед. (§ 182 стр. 220), и повторныхъ, что родит. ед. *sig.* (чего) употребляется въ значеніи именит. „что“, на подобіе *чѣо* русско-сибирскихъ говоровъ (§ 217, стр. 250). Въ области сопряженія особеннаго вниманія заслуживаетъ, между прочимъ, будущее время, образуемое, по всей вѣроятности, описательнымъ образомъ черезъ сложеніе соотвѣтственной формы настоящаго отъ глагола „хочу“ съ неокончательнымъ даннаго глагола (§ 269, стр. 298).

Въ лексическомъ отношеніи замѣчательны, между прочимъ, слова *vaika* (городъ), соотвѣтствующее предполагаемому ст.-сл. *вѣика* (ср. *съ* въ значеніи деревня, литовск. *vėsz*, латинск. *visco*-*z*, греч. *οἶκος* и т. п.) (§ 56), *greuk* (дерево „груша“) и др., найти которыя очень легко при помощи указателя. Весьма остроумно Шлейхеръ, объясняетъ присвоеніе предлогу *rgiz* (прѣзь, польск. *przez* и т. п.) значеніе *безъ* (ср. смѣшеніе обоихъ предлоговъ въ польскихъ говорахъ посредствомъ переходнымъ значеніемъ *внъ* (*ausser*), § 54 стр. 92—93), такъ что переходъ значеній предполагается слѣдующій: „черезъ“, „внѣ“, „безъ“.

Великою заслугой Шлейхера пужно считать то, что онъ постоянно обращаетъ вниманіе на удареніе, такъ какъ удареніе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ языкѣ, который характеризуетъ одинъ языкъ въ различіи отъ другого, служитъ выраженіемъ разныхъ морфологическихъ (физиологически-психологическихъ) отношеній языка и въ значительной степени обуславливаетъ его дальѣйшее развитіе. Большинство изслѣдователей славянскихъ языковъ, между прочимъ Миклошичъ, не припимаетъ въ соображеніе ударенія, и вслѣдствіе того добываемые ими результаты далеко не удовлетворительны. При всякомъ гласномъ Шлейхеръ, по мѣрѣ возможности, строго отдѣ-

лаеть случаи, когда этотъ гласный произносится съ удареніемъ, отъ случаевъ его употребленія безъ ударенія. См., напримѣръ, § 37, стр. 68; § 20, стр. 47 и т. д. Удареніемъ отличается именит. пад. множ. отъ винит. множ. (§ 163, стр. 205; § 180, стр. 219), неокончательное (infinitivus) отъ достигабельнаго (supinum) (§ 132, стр. 175 — 176) и т. д. (ср. тоже § 240, стр. 265). Тѣмъ не менѣ Шлейхеръ сознается, что онъ не былъ въ состояніи опредѣлить законы полабскаго ударенія, замѣчая при этомъ, что полабское и кашубское нарѣчія сохранили въ своемъ удареніи безъ сомнѣнія старинное явленіе, свойственное когда-то всѣмъ западно-славянскимъ, какъ и всѣмъ вообще славянскимъ, языкамъ (§ 2, стр. 23). Кромѣ явленій, которыя самъ же Шлейхеръ объясняетъ вліяніемъ ударенія, возможно, можетъ-быть, подвести подъ ту же категорію развѣтвленіе первоначальнаго *o* въ началѣ словъ на *oi* и *vi* (§ 32) и т. п.; ср. тоже § 44. 2, стр. 76 и т. п.

Вообще нужно замѣтить, что весь этотъ трудъ Шлейхера отличается свойственною ему осторожностью въ объясненіяхъ и научною точностью. Но однакоже, какъ всякой другой книгѣ, такъ и этой свойственны нѣкоторыя погрѣшности, указать на которыя есть обязанность критика.

Прежде чѣмъ перейти къ этой критической части настоящей статьи, считаю долгомъ замѣтить, что всѣ матеріалы, которыми пользовался Шлейхеръ, принадлежать одному только изъ довольно многочисленныхъ полабскихъ говоровъ, на которыхъ когда-то говорило славянское племя, жившее надъ Эльбой и вблизи ея. Поэтому-то и выводы нашего автора относятся къ одному только этому говору и никакъ не могутъ считаться безусловно примѣнимыми ко всѣмъ прочимъ полабскимъ говорамъ или къ полабскому нарѣчію вообще. Матеріаловъ для другихъ говоровъ и не имѣется, такъ какъ они замолкли гораздо прежде того времени, когда, по внушенію Лейбница, Нѣмцы стали заниматься изученіемъ народныхъ говоровъ. Кое-какое, впрочемъ далеко неточное, понятіе объ этихъ разнообразныхъ полабскихъ говорахъ можно составить себѣ, тщательно изучая славянскія слова, попадающіяся въ латинскихъ грамотахъ, писанныхъ въ земляхъ бывшихъ Полабовъ, равно какъ и всѣ мѣстныя названія, даже въ ихъ теперешнемъ отмеченномъ видѣ.

Теперь перехожу къ немногочисленнымъ промахамъ и погрѣшностямъ сочиненія Шлейхера.

Въ научной транскрипціи полабскихъ словъ авторъ жертвовалъ иногда фонетическою точностью ради этимологическаго отгвненія

различнаго происхожденія фонетически тождественныхъ звуковъ, или даже (впрочемъ, гораздо рѣже) ради показанія общаго происхожденія двухъ или болѣе различныхъ звуковъ. Хотя это и представляетъ нѣкоторыя практическія удобства, но все же не даетъ вполне вѣрнаго понятія о фонетическомъ состояніи языка. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ это еще не большая бѣда, такъ какъ научное написаніе всякаго слова сопровождается выписками изъ источниковъ безъ малѣйшихъ измѣненій, что позволяетъ всякому повѣрить точность транскрипціи и даже измѣнить ее по собственному усмотрѣнію. Съ другой стороны, у Шлейхера не смотря на всю добросовѣстность въ этомъ отношеніи и на стараніе выразить всѣ оттѣнки звуковъ, нельзя не сомнѣваться въ точности нѣкоторыхъ чтеній. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что Шлейхеръ, не совсѣмъ точно обозначаетъ дифтонгъ, соотвѣтствующій ст.-сл. *ai* (§ 43, стр. 74), между тѣмъ, какъ гораздо вѣроятнѣе, что это былъ дифтонгъ *ei*, на подобіе того, какъ въ нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ долгое *i* и *y* (*ny*) перешли въ *ei* (*ej*). Точно также то строгое раздѣленіе гласныхъ *y* и *i*, какое проводитъ авторъ, противорѣчитъ его же собственнымъ словамъ о совершенномъ отождествленіи обихъ этихъ звуковъ въ полабскомъ, по крайней мѣрѣ тогда, когда они произносились безъ ударенія (см. § 43, стр. 75, 76; § 61, стр. 99; ср. тоже § 45, стр. 77 и § 64, стр. 101); мало того, нашъ авторъ признаетъ даже полное смѣшеніе въ одномъ безразличномъ звукѣ неудареннаго *e*, неудар. *u* (*i*) и *y* (*y*) (§ 23, стр. 50). Для транскрипціи слова *červený* (красный), соотвѣтствующаго ст.-сл. *чрьвенный*, лучше, можетъ-быть, было бы употребить въ первомъ слогѣ не *ä*, а напримѣръ, *σ* или же какой-нибудь другой знакъ, выражающій гласный, средній между *a* и *e*, а не между *a* и *o*, такъ какъ въ пользу этой транскрипціи говоритъ правописаніе источниковъ съ *a* и *e*, никогда же съ *o* (§ 8, стр. 31). Погрѣшностью кажется мнѣ и необозначеніе смягченія согласныхъ въ сочетаніяхъ съ небными гласными. Отсутствіе въ источникахъ какихъ-нибудь намековъ на смягченіе въ этихъ случаяхъ объясняется, по моему, тѣмъ, что и въ нѣмецкомъ въ сочетаніяхъ, напримѣръ, съ *e*, *i* и т. п., согласные произносятся нѣсколько мягко, между тѣмъ какъ въ соединеніи съ *a*, *o* и т. п. они сохраняютъ вполне твердое произношеніе, такъ что мягкость славянскихъ согласныхъ въ сочетаніяхъ съ небными гласными не казалась нѣмецкимъ записывателямъ ничѣмъ особеннымъ, тогда какъ въ сочетаніяхъ съ не небными (широкими) гласными она поражала

непривычное къ нимъ ухо, требуя даже особаго обозначенія начертаніями *i, j, e* и т. п. (см. § 82, стр. 123—124 и пр.; ср. тоже § 104, стр. 147 и т. п.). Впрочемъ, это только мое личное предположеніе, не имѣющее цѣлю поколебать вполне зрѣлое и обдуманное мнѣніе Шлейхера. Изъ ближайше родственныхъ нарѣчій польское говоритъ въ пользу самого обширнаго примѣненія смягченій, а кашубское — въ пользу его ограниченія; но, какъ извѣстно, родственныя нарѣчія въ подобныхъ случаяхъ почти ничего не рѣшаютъ.

Прибѣгая довольно часто къ сравненіямъ съ польскимъ нарѣчіемъ, какъ самымъ близкимъ полабскому въ числѣ другихъ славянскихъ (самое близкое, впрочемъ, кашубское, но на него авторъ не обращалъ особеннаго вниманія), Шлейхеръ удачно объясняетъ нѣкоторыя явленія описываемаго имъ нарѣчія. Ср., между прочимъ, § 10, стр. 34; § 50, стр. 85—86; § 94, стр. 133 и т. д. Но эти сравненія съ польскимъ далеко не исчерпаны, и поэтому нѣкоторыя явленія полабскаго нарѣчія недостаточно объяснены. Такъ, напримѣръ, относительно развѣтвленія удареннаго *e* на *e* и *i* (§§ 20—22), сравненіе съ польскимъ показало бы, что, за исключеніемъ *e* передъ *r, c* является въ полабскомъ почти только тогда, когда въ польскомъ находится *o*, разившееся изъ *e, i* же встрѣчаемъ въ полабскомъ тогда, когда въ польскомъ имѣется *e*. Всестороннее разсмотрѣніе стариннаго польскаго языка показало бы, что полабское развѣтвленіе мѣстоименія *sa* (*са*) на *sā* (съ носовымъ *ā*) въ соединеніи съ предлогами и на *sa* (съ чистымъ гласнымъ *a*) въ сочетаніи съ глаголами не стоитъ особнякомъ, и что, напримѣръ, въ польскихъ памятникахъ XV, XVI и XVII столѣтій, равно какъ и въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ, даже въ настоящее время существуетъ совершенно то же развѣтвленіе упомянутаго мѣстоименія, напримѣръ, *pod się, przed się* и т. п., но *widrić się, spotkać się* и т. п. Это убѣдило бы автора въ основательности подобнаго же различенія въ правописаніи полабскихъ источниковъ и не позволило бы ему смѣшивать въ транскрипціи обоихъ видовъ мѣстоименія въ одномъ безразличномъ, стереотипномъ *sā* (§ 74, стр. 116; ср. § 233 и т. д.). Ср. также § 50, стр. 86; § 107. 2) стр. 150, § 148. 1) стр. 191 и т. п.

Смѣшеніе совершенно различныхъ вещей можно видѣть въ § 8 стр. 31, § 9 стр. 32, §§ 110—112 стр. 153—155 и §§ 116—117 стр. 158, гдѣ говорится о различномъ замѣненіи въ полабскомъ старо-славянскихъ сочетаній *ry* (*рь*) и *ly* или *ly* (въ связи съ *ra* и *ro, la* и *lo*), какъ будто основаніемъ всѣхъ этихъ различныхъ полабскихъ видо-

измѣненій служилъ одинъ и тотъ же видъ первобытнаго упорядченія коренныхъ элементовъ. Между тѣмъ, полабскія различія основаны на первоначальномъ индо-европейскомъ и литовско-славянскомъ различіи: гдѣ въ полабскомъ *āg* или *āl* (соотвѣтствующія стар.-слав. *эр* или *эръ*, *эъ* или *эа*), тамъ и въ литовско-славянскомъ было безъ сомнѣнія *er*, *ir*, *ul*, *il*; гдѣ же полабскій показываетъ обратное сочетаніе *gā* или *lā*, тамъ и литовско-славянскому свойственно было подобное же сочетаніе *ru*, *ri*, *lu*, *li*. Такъ, напримѣръ, полабскимъ *tārgne* (чешеть), *gāgŭak* (горшокъ), *smārdl* (воняеть), *sārgen* (шершень), *vārch* (веркъ), *vālnó* (волна), *vāuk* (волкъ), *tāustŭ* (толстый), *dāug* (долгъ), *māiŭa* (молчаніе) и т. п. соотвѣтствуютъ литовско-славянскія формы: *turgneti*, *gurnukas*, *smirditi*, *širėnis*, *virsas*, *vulnā*, *vulkas*, *tulst*, *dulgas*, *mulnija* и т. д., тогда какъ полабскимъ *drāva* (дрова), *brāvni* (бровя), *grāmi* (гремятъ), *blācha* (блоха) и т. п. соотвѣтствуютъ литовско-славянскія *druva*, *bruvi*, *grimiti*, *blusa* и т. п. Подобнымъ же образомъ изъ литовско-славянскихъ *parsen*, *starna*, *maržas*, *karvā*, *chagnā*, *vagnā*, *garsas*, *gardas* и т. п. развились полабскія *porzā* (поросенокъ), *stārna* (сторона), *mors* (морозъ), *korvó* (корова), *chórna* (пицца), *vornó* (ворона), *gorch* (горохъ), *gorđ* (городъ) и т. д., между тѣмъ какъ литво-славянскимъ *brāt*, *grād*, *prasa*- и т. п. соотвѣтствуетъ полаб. *brot* (братъ), *grad* (градъ, *hagel*), *prūsū* (просо) и т. д. (*brūda* (борода) есть, должно быть, слово усвоенное изъ польскаго). Но за то полабскимъ *chlād* (холодъ), *glīva* (голова), *slīpa* (солома), *vlās* (волосъ), *mlādŭ* (молодой), *glād* (голодъ) и т. п. изъ литовско-славянскимъ *saldas*, *galvā*, *salma*, *čalsas*, *mald-*, *galdas* и т. д., рядомъ съ полабскими *plōkat* (плакать), *slóbŭ* (слабый) и т. п. изъ литовско-славянскихъ *plākati*, *slab-* и т. д. (ср. § 39, стр. 70 и § 117).

Безъ объясненія оставляетъ Шлейхеръ то явленіе, что передъ *r* и *l* старо-славянскимъ *и* и *ѣ* соотвѣтствуетъ въ полабскомъ *ā* (§§ 45 и 64), то-есть, гласный, замѣняющій вообще старо-славянскіе полугласные *э* и *эа*. Съ этимъ можно бы сравнить подобное же вторичное явленіе словенскихъ говоровъ, въ которыхъ передъ конечными согласными односложныхъ словъ гласный *і* (замѣняющій старо-славянскіе *и* и *ѣ*) перешелъ въ глухой гласный, средній между *e* и *э*; такъ, напримѣръ, *pyr* вм. *pri*, *nyt* (пить), но родит. *niti* и т. п. Неопытное Шлейхеру мѣстоименіе *nina* въ значеніи *самъ* (*wan jūnah dwarzneitz jang terplūh—, in euer Stube ist warm*) (§ 238, стр. 263) есть, можетъ-быть, притяжательное мѣстоименіе для двойственнаго числа 1-го лица („насъ двоихъ“), вѣроятно, употребленное здѣсь по недо-

разумѣнію, вслѣдствіе котораго спрашиваемый Полабъ слово „вашей“ считалъ относящимся къ нему самому и его сожителю, напримѣръ, къ его женѣ, и перевелъ это притяжательное отъ 2-го лица притяжательнымъ отъ 1-го, и кромѣ того, двойственного числа, „нашей“, „насъ двоихъ“ (ср. множество подобныхъ же недоразумѣній, изчисленныхъ самимъ же Шлейхеромъ въ предисловіи на стр. 12—14). Ср., между прочимъ, словенскія мѣстоименія притяжательныя „najin“ (насъ двоихъ), „vajin“ (васъ двоихъ) и т. п.

Нѣкоторыя объясненія Шлейхера кажутся довольно сомнительными. Такъ, напримѣръ, сомнительно объясненіе исключительно полабскаго *i* въ *k'id* (гдѣ), *nlk'id* (нигдѣ), *nig'it* (ноготь) и т. п. предшествующимъ *e*, развившемся, какъ и въ польскомъ, изъ *z* (§ 10, стр. 34—35). Тоже самое можно сказать о предполагаемомъ чисто фонетическомъ развѣтвленіи гласныхъ въ *lôzè* (лѣзеть, ползеть) и *l'ôzè* (подымается), *gêzè* и *g'ôzè* (рѣзеть, пилить) (§ 50 стр. 85), тогда какъ мнѣ, напримѣръ, кажется, гораздо болѣе вѣроятнымъ предположеніе различныхъ подъемовъ гласнаго и сопоставленіе *lôzè* и *gêzè* съ польскими *lôzicè* (лѣзеть) и *gzeze* (рѣзеть), *lôzè* (не *l'ôzè*) же и *gôzè* (не *g'ôzè*) съ польск. *łazi* (лазить) и *gazi* (разить). Равнымъ образомъ, нѣтъ достаточнаго основанія считать *sãrôt* достигаемымъ (*supinum*) въ противоположность къ неокончательному (*infinitivus*) *sãrat* (спать), когда, напримѣръ, словенское нарѣчіе, различающее тоже съ помощью ударенія достигаемое отъ неокончательнаго, представляетъ совершенно обратное распредѣленіе ударенія (въ достигаемомъ оно помѣщается всегда на первомъ, коренномъ слогѣ, а въ неокончательномъ—обыкновенно на слѣдующемъ слогѣ, хотя иногда тоже на первомъ), и когда въ самомъ же полабскомъ находимъ достигаемое *kô'rat* (купать) рядомъ съ неокончательнымъ *kbrôt-sã* (купаться) (§ 132, стр. 175—176). Въ „*k'arlâv*“ (*zèna jã k'arlâv rûdgaug* = жена есть помощница, подруга мужа) лучше, по моему, видѣть прилагательное притяжательное, нежели, какъ полагаетъ Шлейхеръ, дательн. пад. ед. ч. (§ 157, стр. 199—200), а *gô'k'û* (*prise runtge „ohne hand“*) лучше считать родительнымъ ед., нежели винит. множ. (§ 180, стр. 219). Сомнительными кажутся мнѣ тоже объясненія и разсужденія въ § 17 (стр. 44—45, *dânéna*), § 40 (стр. 70—71), § 163 (стр. 205), § 191 (стр. 225, строка 20—23), § 198 (стр. 232—233), § 220 (стр. 251—252), § 238 (стр. 262, строка 27—29), § 250 (стр. 275, строка 5—12) и т. п. Объясненіе согласнаго *n* (*n*) въ началѣ корня *i* (*iti*) и мѣстоименной темы *jû*—(по Шлейхеру) въ сочетаніи ихъ съ предлогами (напримѣръ, *vânait*,

старо-слав. *съмити*, войти, *sa pām* съ нимъ, и т. п.) вставкою (уогч schlag) согласнаго *п* (*и*) совершенно ложно, какъ я уже имѣлъ случай доказать въ рецензій книги г. Будиловича (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1872, августъ и ноябрь).

Теперь укажу на нѣкоторыя неточныя или же невѣрныя подробности въ разбираемой книгѣ. Такъ, между прочимъ, въ старославянскихъ словахъ въ соединеніи съ согласными *р* и *л* авторъ, по примѣру Миклошича, не допускаетъ полугласнаго *ь*, ограничиваясь однимъ только *ъ* (только съ предшествующимъ *ч* находимъ у Шлейхера *ръчрьвенный*, *чрьный* и т. п.), между тѣмъ какъ и самыя же памятники старославянскаго языка, и сравненіе съ другими славянскими и вообще индоевропейскими языками (преимущественно же съ литовскимъ) говорятъ въ пользу строгаго различенія сочетаній согласныхъ *р* и *л* съ гласнымъ *ь* отъ сочетаній тѣхъ же согласныхъ съ гласнымъ *ъ*,—стало быть, *трънеть* (или же *търнеть*), *чрънъкъ*, *чръбъ* и т. п., *тльсть* (или же *тльсть*), *пльнь*, *тльчеть*, *ольна* и т. п., но *зрьить* (не *зрить*), *сърати* (не *срати*; полаб. *sārat*, *pōsārat*), *мъреть*, *пъръти*, *смърдитъ* (или же *смърдитъ*), *врътъ* (или же *врътъ*), *првьный*, *чръмитъ* и т. п., *мльница*, *мльничъ* (эти формы признаются тоже и Шлейхеромъ) и т. п. Необходимость писать *зрьить*, *сърати*, *мъреть* и т. п. доказывается другими степенями подъемами кореннаго гласнаго, ибо, если рядомъ съ съ подъемами кореннаго гласнаго *кон-* (кон-ьць, законъ и т. п.), *ном-* (запона, опона и т. п.) и *чим-* (на-чин-ати и т. п.), *пим-* (на-пим-ати и т. п.), и т. д., встрѣчаемъ самый низкій подъемъ кореннаго гласнаго тѣхъ же корней *чъм-* (чън-я, чън-е-ши и т. п.), *пъм-* (пън-я, пън-е-ши и т. п.) и т. д., то точно также для *зор-* (по-зор-ь, зор-та и т. п.), *сор-* (соръ и т. п.), *мор-* (уморъ и т. п.) и т. д. и *зир-* (въ-зир-а-ти и т. п.), *мир-* (у-мир-а-ти и т. п.) и т. д., должно предположить параллельный нижній подъемъ не *зър-*, *сър-*, *мър-* и т. д., а именно *зър-*, *сър-*, *мър-* и т. д. (ср. §§ 7—10 стр. 30—33, §§ 111—112 стр. 153—155, § 116 стр. 158, § 132 стр. 175, § 235 стр. 262, § 251 стр. 277). Причины различія между *prüf* (er bettelt) и *prāsai* (fragen), *prāsai* (gefragt), слѣдуетъ искать, по моему мнѣнію, не въ стремленіи различить двѣ функціи „betteln“ и „fragen“ (§ 30, стр. 62), но въ томъ, что въ этихъ двухъ словахъ коренной гласный является въ двухъ разныхъ степеняхъ подъема, ст.-сл. *просити* (просить) и *прашати* (спрашивать), и что, слѣдовательно, въ полабскомъ должно быть *prósaj* и *prósal* (а не *prāsai prāsai*, ср. §§ 37—42); что и подтверждается правописаніемъ памятниковъ. Въ *jos* (я), *jobk'ŭ* (яб-

локо), *jeutřú* (утро), *jeusáina* (обѣдъ, ср. ужинъ) (§§ 42, 70, стр. 74, 110—111), согласный *j*, въ *veŋja* (дядя, *mutterbruder*; § 70 стр. 111), согласный *v* являются не исключительно полабскими, но общими особенностями всѣхъ сѣверо-западныхъ (въ *jobkú* даже всѣхъ) нарѣчій славянскихъ. То же самое можно сказать объ исчезновеніи конечнаго *i* (и) во 2 л. ед. ч., *jis* (ст.-сл. *кся*), *mízés* (ст.-сл. *можеша*), *k'éut'is* (дѣлаешь, ст.-сл. *коутиши*); *mos* (ст.-сл. *имаши*) (§ 48, стр. 81). Въ ст.-сл. *знаемъ*, полаб. *znojěmŋŋ*, или же *znojŋmŋŋ*, польск. *znajomy* ст.-сл. *оукъвка*, стрижъвка (ср. стрижъвъ *patrui*), полаб. *veujŋvka* или же *veujéovka* (*schwester der mutter*), *stráijŋvka* или же *stráijévka* (*vaterschwester*) и т. п., нельзя говорить о переходѣ *o* въ *e* (§§ 125, 145, стр. 168, 187), такъ какъ въ сочетаніи съ *j* и другими мягкими согласными первично, съ общеславянской точки зрѣнія, *e* не *o*, которое является только послѣ, вслѣдствіе вліянія аналогій гораздо болѣе многочисленныхъ формъ съ суффиксомъ *-ob-*, въ сочетаніи съ твердыми согласными. Въ *jismái* (*то jismái*, *wir beide sind*) нельзя, по моему мнѣнію, видѣть формы 1-го лица двойств. ч. вмѣсто предполагаемаго *ксяма* (§ 240, стр. 265), но только форму 1-го лица множ. ч. (стало быть, не *jismái*, но *jismái* вмѣсто *ксям*), хотя мѣстоименіе и употреблено здѣсь въ двойственномъ числѣ. Ср. еще нѣкоторыя незначительныя неточности въ § 22 стр. 49, § 26 стр. 55, § 50 стр. 84 строка 10 — 11, § 87 стр. 128 строка 18 и т. д.

Нѣкотораго рода непослѣдовательность можно замѣтить въ раздѣленіи темъ (основъ) склоненія (§ 154, стр. 198). Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, на сколько умѣстно примѣнять ко всѣмъ безъ различія индоевропейскимъ языкамъ категоріи, взятія изъ санскритскихъ грамматиковъ, я долженъ обратить вниманіе читателей на то, что самъ Шлейхеръ не выдерживаетъ въ разбираемой книгѣ исповѣдуемаго имъ принципа и грубить, такъ-сказать, хронологическою непослѣдовательностью. Принимая, съ одной стороны, темы на *a*, *ja*, *u* и *i* въ ихъ безотносительно первичномъ, праиндоевропейскомъ видѣ, онъ, съ другой стороны, говоритъ о темахъ на *-y*, *-en*, *-es*, *-er*, даже *-el*, то-есть, о темахъ не въ ихъ первичномъ индоевропейскомъ видѣ, но во вторичномъ видѣ, обусловленномъ спеціально-славянскими звуковыми законами. Еслибы Шлейхеръ былъ вѣренъ самому себѣ, то вмѣсто только что упомянутыхъ темъ, долженъ былъ бы говорить о темахъ на *-ü*, *-an*, *-as*, *-ar* и *-ant*. Въ § 214, стр. 248, онъ является до того непослѣдовательнымъ, что звуки *-xi* (*кошѣ*, *печь*, ср. *камень*) и *-x* (*гѣмѣ*, *плечо*) считаетъ окончаніями именит. пад.

ед. ч. отъ темъ на *en-* муж. и сред.; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности здѣсь не только нѣтъ никакихъ окончаній, но даже самая же тема подверглась измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Простымъ недосмотромъ можно объяснить принятіе въ ст.-сл. слова *чоуждый* вмѣсто *штоуждый* (§ 99, стр. 140) тогда какъ ч возможно въ этомъ словѣ только въ области русскихъ и сербско-словенскихъ нарѣчій (*чужой* и т. п.), и если въ памятникахъ старо-славянскаго нарѣчія встрѣчается тоже *чоуждый*, то это, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе русскаго вліянія. Польское *szudy* допускаетъ въ ст.-сл. единственно только *штоуждый*; ср. тоже сербское *tuј* и т. п., словенское *tuj* (писанное тоже *ptuj*) и т. п.

Видѣть въ написаніяхъ памятниковъ *bōrs*, *bōrsch* („eher“) полабское слово (по научному правописанію *pōrds* и сопоставлять его съ стсл. *пръжде* (сравнит. степ. отъ *прѣде*) (§ 51, стр. 87—88, § 100 стр. 141, § 150 стр. 193) есть просто ошибка. По моему, *bōrs* и *bōrsch* слѣдуетъ читать *bārg* (изъ *bārgt*, сравнит. отъ *bārgz*, такъ какъ въ полаб. *z=z*, § 95) и сопоставлять его съ ст.-сл. *бръзъ*, русск. *бормый*, польск. *bardzo* изъ *barzo* (положит.), чешск. *brzo*, словенск. *brže*, *brž* (сравнит.), сербск. *брже* (сравнит. отъ *брзо*) и т. п.

Не смотря на эти незначительныя погрѣшности, настоящій трудъ Шлейхера останется навсегда въ своемъ родѣ образцовымъ сочиненіемъ.

II. Водуэнь-де-Куртено.

Онежскія былинны, записанныя Александромъ Федоровичемъ Гильбердингомъ лѣтомъ 1871 года. Съ двумя портретами Онежскихъ рапсодовъ и нагѣвами былинъ. С.-Пб. 1873.

Передъ нами огромный томъ въ большую восьмушку, въ 668 страницъ текста въ два столбца и весьма мелкаго шрифта, съ 56 страницами введенія. Весь этотъ томъ, кромѣ введенія, озаглавленнаго: „Олопецкая губернія и ея народныя рапсоды“, состоитъ исключительно изъ устныхъ памятниковъ народной великорусской былевой поэзіи, собранныхъ въ Олопецкомъ краѣ: въ книгу вошло 318 пересказовъ былинъ или старинъ, которые записаны отъ 70 слашкомъ пѣвцовъ и пѣвицъ. И все это собственноручно нанесено на бумагу ученымъ, который приобрѣлъ опытность въ записываніи произведеній народной словесности въ разныхъ краяхъ славянскаго міра, и сверхъ того, обладалъ обширными филологическими и историческими позна-